

М.В. Михайлова (Москва, Россия)

Лоскутная рецензия на роман Любови Копыловой «Одеяло из лоскутьев» (М., 2018)

Аннотация: В настоящей статье представлено разнообразное интерпретационное поле, возникшее при прочтении романа Любови Копыловой «Одеяло из лоскутьев» (М., 2018). В результате возник внутренний полилог авторов рецензий, разошедшихся во мнении и по поводу содержания образа главной героини романа, и по поводу его феминистских интенций и даже в связи с пониманием самого наполнения слова «феминизм». Важно, что в рецензиях отчетливо прозвучали женские и мужские (к сожалению, в количестве всего одного!) голоса. Также интересен способ подачи материала, говорящий о возможностях и разнообразии жанрового канона рецензий.

Ключевые слова: Любовь Копылова, феминизм, рецензия, книжная серия, автобиографический роман, творчество, педагогика, идеология

M.V. Mikhaylova (Moscow, Russia)

The Multy-Voices Review on Lyubov Kopylova's Novel "A Patch-Blanket" (Moscow, 2018)

Abstract: The article discusses the different opinions of critics who have reviewed Lyubov Kopylova's novel "A Patch-Blanket". The space of various notions of critics was formed who look at own way on the image of the main character of the novel, her feminist intentions and even on the very concept "feminism". The female and male (unfortunately, in the amount of only one!) voices were sounded clearly in the reviews. Also the way of presenting the material was interesting, unclosing the potentials and diversity of a review genre.

Key words: Lyubov Kopylova, feminism, review, book series, autobiographical novel, creativity, pedagogy, ideology

В 20-е гг. XX в. имела место практика написания коллективных романов («Большие пожары», «Зеленые яблоки»). Эту забавную традицию мы попытались возродить на занятиях по курсу для магистров «Серебряный век в литературном и художественном сознании XX и начала XXI столетия», читаемому мною, профессором кафедры истории новейшей русской литературы и современного ли-

тературного процесса Марией Викторовной Михайловой. Рецензии, помещенные ниже, написаны магистрами 1 года. Мне показалось интересным составить «групповой портрет» книги, увидеть, как филолог-рецензент улавливает смысловые импульсы произведения, в какой степени увязывает это с биографической личностью автора, временем создания текста, а также обнаружить, какое влияние оказала культура Серебряного века на самоопределение художника, как он в 1930-е гг. «справлялся» с возникшей в его сознании дихотомией принять / отринуть прошлое. На мой взгляд, представленный материал дает возможность как увидеть творческие индивидуальности молодых ученых, так и прочесть «их глазами» то, что тобою уже усвоено, определено, положено на полочку знания.

У Юрия Слезкина есть довольно интересная повесть «Разными глазами», созданная по принципу новеллы Акутагавы «В чаще», когда одни и те же события рассказываются разными людьми по-разному. Здесь возникает тот же эффект, потому что система героев, детали, композиция увидены различно. Вернее, к ним подходят как бы с разных концов. А поскольку это все же рецензия, а не развернутый научный труд, то, естественно, что-то остается в тени, а что-то выходит на первый план. Во всяком случае, сразу задумываешься о границах интерпретации и способе подачи своего мнения, логике рассуждения и пр.

Так, обращает на себя внимание совершенно различная трактовка взаимоотношений таких героев, как Шатерников и Ксения, главная героиня романа. Да и образ Шатерникова в рецензиях оказывается очень неоднозначным. Также любопытна возникшая внутренняя дискуссия на тему, насколько Копылова оказывалась в плену усиливающегося идеологического давления 1930-х гг., существует ли расхождение между тем, что хотела сказать и что ею сказалось, когда уже чувствовался диктат... Более того, различно понят и самый финал романа. Кто Ксения? Победительница? Или усталая молодая женщина? Особенно любопытным показался мне анализ романа в мифопоэтическом ключе – как бесконечная цепь инициаций героини, переходящей из одного мира в другой. При таком прочтении особенно ощутимым оказывается «груз» Серебряного века, от которого Копылова, возможно, хотела / не хотела освободиться. Можно предположить, что все же этот роман связан с предшествующим этапом культуры более тесно, чем это кажется на первый взгляд.

Я минимально правила тексты, потому что мне казалось важным донести именно живую, пусть и спорную мысль. Приведу только пример из одной рецензии, показывающий, насколько «размыто» оказывается в сегодняшнем мире понятие феминизма (все писавшие сходятся на том, что феминистские интенции в романе присутствуют). Студентка пишет, что для Ксении, героини романа, самым сладким словом было «Спасибо», поэтому та решает в будущем делать только то, за что люди будут говорить ей спасибо, и полагает, что в этом и проявляются феминистские взгляды автора... В то время как все совсем наоборот: именно веками патриархатной культуры в женщине воспитывалась привычка действовать в соответствии с общественным поощрением, желание заслужить похвалу.

Однако в целом, мне кажется, каждая из представленных точек зрения заслуживает внимания и позволяет представить новое видение неожиданно возникшего благодаря усилиям Марии Нестеренко и издательства *Common place* из «тьмы веков, из топи блат» романа полузабытой писательницы.

Александра Алабина

Любовь Федоровна Копылова (1885–1936 гг.) практически неизвестна современному писателю. Будучи родом из рабочей семьи, она получила среднее образование и работала учительницей в селах Ильинское и Екатериновка. Ее путь в литературе начался в 1906 г. – с публикации лирических этюдов в газете «Приазовский край», в 1909 г. выходит ее дебютный поэтический сборник, проникнутый символистскими мотивами. В 1914 г. Копылова переезжает в Москву, публикует свои стихи и прозу в столичной периодике и 22 января 1916 г. выступает на вечере поэтов в Политехническом музее вместе с С. Парнок, М. Цветаевой и другими.

После революции 1917 года Копылова продолжает публиковаться как прозаик. Как считал М. Горький, лучшие ее произведения – «Химера», «Первое стихотворение» и др. – посвящены изображению детей. Горький и Копылова состояли в переписке, более того, в архивах сохранились правки Горького к повести писательницы «Следы на снегу» и др.

Одним из ключевых произведений Копыловой является повесть «Одеяло из лоскутьев», имеющая автобиографические черты. Композиция повести – «рассказ в рассказе»: история главной героини, Ксении Петровны Щербаковой, прообразом которой является сама Копылова, раскрывается через переписку с ее учителем Шатерниковым. Три письма соответствуют трем жизненным периодам героини: школьные годы, первый педагогический опыт, жизнь в монастыре и переезд в Москву. Повесть содержит бесчисленное количество свидетельств дореволюционной эпохи: описание быта семей рабочих, уклада жизни начала XX в., а главное – бесчисленные свидетельства о возможностях женщин в данный исторический период.

Женщины в повести Копыловой получают образование, ведут (или не ведут) хозяйство, работают учительницами, няньками и даже плотниками («Мария-плотник пришла с пилой и рубанком. Работая, она надевала бархатную скуфейку и, с разрешения игуменьи, шаровары») и способны обеспечивать семью; однако в повести есть и женщины, выбирающие более привычный путь – замужество, как, например, Вика Мухина. В повести Копыловой отразились феминистские взгляды, подсказанные писательнице самой жизнью: «“Спасибо” – это было такое сладкое слово для моего уха. Я мечтала поскорей стать самостоятельной, чтобы делать только то, за что люди будут говорить мне спасибо. Я стану доктором и буду лечить бедных без всякой платы. Я буду учительницей такой доброй, как мадемуазель Мари, которая показывает мне буквы в те дни, когда Лиля с Митей уезжают с родителями в гости. Я буду раздавать заработанные деньги нищим, которые сидят у ворот кладбища, и возьму на пропитание какую-нибудь сиротку».

Для романа также важна фигура духовного учителя героини, Шатерникова: «Вдруг свет потухал, и это означало, что действие начинается. Александр Шатерников сходил сверху по невидимым ступенькам, искусно скрытым, со светильником в руке. Светильник был серебряный и имел форму человеческого сердца, обращенного острием вниз. Наполненный маслом, он пылал высоким и сильным пламенем». Однако вскоре героиня разочаровывается в его учении: «Нужно знать Шатерникова. Этот очень яркий представитель той обманчивой культуры, к которой я тянулась, привлек меня к себе кажущимся величием».

Повесть оканчивается описанием жизни героини уже в послереволюционные годы. Копылова показывает, что «женский вопрос» в это время начинает активно решаться: «<...> целый год [я] простаивала в очередях перед разными кабинета-

ми директоров, когда другие просители, зажав в руках целые пачки писем, прилагаемых к своему заявлению, презрительно поглядывали на меня, приготовившую тонкий листочек, в котором я изъявляла желание получить работу. Но я все-таки пошла туда, куда мне сказали, и когда, на моих глазах, за мое заявление чуть-чуть не передрались инструктора разных районов, я почувствовала, что все изменилось». Но, конечно, повесть, написанная в советские годы, и не могла оканчиваться иначе.

Анастасия Неверова

Ксения приподнимает крышку дорожного чемодана, и вот перед нами ворох ярких лоскутьев: «детство, омраченное человеческим невежеством, отрочество, отравленное нищетой, бестолковая, суетливая юность и зрелость, отягченная разумением». Три короткие тетрадки, рассказывающие грустную историю жизни героини.

Однако всю историю можно вместить в один образ – таинственного и запретного дерева с серебряными листьями. Серебряные листья – Серебряный век. Ксения прикоснулась к этому чуду, и оно мгновенно начало вянуть, вся красота исчезла, остался лишь ужас от непоправимого. Когда же она прикоснулась к Серебряному веку, то история повторилась: прекрасная Вика стала женой пошляка и уже сама одета в шелковое платье цвета «танго»; Соловьев из прекрасного принца становится смутившимся и покрасневшим обыкновенным человеком, сомневающимся в искренности той, кого еще недавно восторженно восхвалял; Шатерников из обожествляемого учителя (она даже во сне видела его лицо как икону!) превратился в брюзжащего старика, которому не досталось масла. Бескрайнее разочарование охватывает героиню. То, к чему она так стремилась всю жизнь, оказалось пустышкой: «Нужно знать Шатерникова. Это очень яркий представитель той обманчивой культуры, к которой я так жадно тянулась, привлек меня к себе кажущимся величием».

Но оказалось, что осколок прекрасной вазы ценнее самой вазы, увиденной в квартире Соловьева. Ценность была в том ужасном, грязном и бедном прошлом. Это отчетливо показал художник, напоминая читателю в конце романа обо всех ужасах той жизни: «Женщина, оторвавшись от корыта, полного батиста и кружев, кормила пустой грудью золотушного ребенка, завернутого в линючий ситец. Ее руки были разъедены содой, и, кроме тупой покорности, на лице ее не было ничего», «...играли дети. Их полуголые тела, тоненькие и хлипкие, были зеленовато-желтых тонов, как побеги кореньев, прорастающих в погребе». Но на эту картину никто не хочет смотреть, а тем более покупать, а вот красивый кулич с вензелями на белой скатерти – «Вот это купят!» Вензеля сразу же отсылают нас к торжественной и величественной обстановке собраний Шатерникова, которые поначалу так поразили Ксению. Но потом всё это развеялось как морок и туман, и перед героиней обрисовался самый обыкновенный человек, который слабее ее, который не понимает того, что происходит, который с ненавистью (взамен прошлого покровительства!) смотрит на нее, когда Ксения напоминает, что предсказывала подобное развитие событий (арест Константина).

Возвышенные советы Шатерников оказались лишь пустыми словами. «Такова жизнь, где не дается ничего без боли, и в дальнейшем вам не следует ее бояться. Душу вашу будут терзать на части, но пусть каждый ее лоскут повиснет, как праздничный флаг, как знамя на высокой башне. Сердце ваше пронзят мечами, но

пусть каждая рана расцветет розой, чтобы, истощившись в божественном цветении, стало оно полным и налилось светом солнца, воссияв, как высокий светильник, каждому ищущему дороги», – писать такое, а потом брюзжать, что в доме нет ни одной ложки масла.

«Где же жизнь?», – спрашивает себя Ксения. Будет ли она в советской России? Хоть и приводится случай, говорящий, что да, все изменилось в лучшую сторону (Ксения без рекомендаций смогла устроиться на работу, более того, за нее чуть ли не дрались работодатели), мы не чувствуем, что революция сделает ее счастливой.

Перед нами молодая девушка, но во всем уже разочаровавшаяся. «Фея с Собачьего хутора» так и не смогла обрести себя, не смогла сшить из ярких лоскутьев одеяло, которым бы она смогла укрыть свою душу.

Любовь Дурьнина

Впервые опубликованная более 80 лет назад книга покоряет своей скромной силой и сдержанностью: без лишних эмоций и рефлексии автор открывает целостный и живой мир, который уже ушел в прошлое. Мир, в котором учительница собирает с детьми цветы и заготавливает дрова, и для этого ей не требуется сотня разрешений от родителей, дирекции и министерства образования; мир, где уже существуют телефоны, скоростные поезда и университеты, но всё еще умирают дети от голода и чахотки. В этом мире как нигде больше огромен разрыв между поколениями. Мать пишет дочери о покупке коровы и о здоровье, тогда как дочь перечитывает всю доступную библиотеку и может спорить с ведущими мыслителями своего времени. От некоторых фраз Ксении Щербаковой веет глубинным одиночеством; все дорогие ей люди не могут принять ее жизнь полностью. Для семьи и подруг она остается «не от мира сего», белоручкой, отринувшей корни и ушедшей в чуждую касту. В среде же столичных интеллектуалов ей зачастую неловко, их жизнь кажется оторванной от неприглядной реальности, она смеется над барскими замашками своего учителя-символиста Шатерникова, почти презирает мечтателя Соловьева.

Вероятнее всего, именно так выглядел бы автобиографический нарратив Горького, будь он женщиной. В числе всех тех унижений и барьеров, стоящих между выходцем с социального дна и легким миром осознанной и обеспеченной жизни, ни один мужчина не указал бы на недобрые взгляды парней на вечерней улице, насмешки деревенских работников и «западню» якобы счастливого брака с кабатчиком. Отрадно осознавать, что проблемы, стоящие перед современными девушками, возникли не сегодня, и многие экономические и общественные ограничения уже преодолены, но вместе с тем и больно, что за прошедшие сто лет эмансипации и кажущегося равноправия не изменились даже стратегии защиты своей личности от морального или физического насилия (я думаю, новогодний эпизод с несуществующим звонком главной героини в чужую дверь показался знакомым не одной и не двум читательницам). Но роман пропитан оптимистическим пафосом, утверждая, что и сто лет назад были женщины, способные противодействовать мещанству, консерватизму и мизогинии. На протяжении всего действия героиня отстаивает свое право на свободу, на собственный путь, независимый от власти, мужского мнения, устаревших стереотипов (чего стоит сцена с экзаменом в школе, где девочка должна прокомментировать вслух народные поговорки о своей гендерной неполноценности). При этом обвинить Ксению в радикальном, по современным меркам, феминизме невозможно; она и рада бы создать семью и

дом, но при этом ей совсем не близка зависимость от мужчины, она не принимает паразитарную позицию своих подруг или навязываемую Шатерниковым «слабость»; идеал Ксении – равноправные отношения, основанные на единении душ, а не кошельков. Без громких фраз героиня помогает семье, увлеченно занимается любимым делом, – и это покажется нам обыденностью, если забыть о том, каких усилий стоило ей благополучие.

С точки зрения художественной ценности текст произведения неоднороден. Три части, которые оформлены в эпистолярный роман, плохо связаны между собой; многое в развитии сюжета опущено, важные детали не прописаны, автор словно оставляет на откуп читателя «дорисовку» отдельных фабульных линий. Стилистика сбивается с прямолинейной советской сатиры на «Записки гимназистки»; можно найти влияние романов Диккенса и «Монахини» Дидро, следы мемуарной литературы начала XX в. и критикуемой авторами модернистской прозы с ее цветистыми метафорами, а также переводных романов воспитания и женской прозы в духе Жорж Санд, – в целом, название романа говорит за себя. Однако это не свидетельствует о его безусловной вторичности; сам факт публикации уже является литературным событием, знаком формирования иного дискурса, в котором возможен женский, принципиально иной взгляд на исторические и культурные события.

Елизавета Коробихина

«Одеяло из лоскутьев» – автобиографический роман Любови Копыловой о девушке из рабочей семьи, прошедшей непростой жизненный путь. Перед читателем эпистолярный роман с элементами дневника. Правда, три главные части предваряются завязкой, написанной в очерковой манере; стиль письма на первых страницах напоминает сценарий, автор использует форму описания событий с помощью «настоящего в прошедшем». Это напоминает анонсы очередной части многосерийного фильма.

Первая часть, «Фея с собачьего хутора», повествование о детстве героини в родительском доме, об учебе в гимназии, о раннем проявлении ее сильного и независимого характера. Предваряется первая часть переписки Ксении Щербаковой с ее идейным вдохновителем учителем Шатерниковым, который заинтересован дальновидной и своеобразной девушкой. Он просит ее рассказать больше о себе. Первая часть романа заканчивается рассказом о новогоднем бале у Веры Мухиной – подруги Ксении, которая научила ее любить декадентское искусство (с ее подачи Щербакова читала Метерлинка, Ибсена, Гюисманса). После новогоднего бала пропал занимавшийся революцией Дмитрий Бондарев; состояние здоровья отца Ксении, на котором держалась вся семья, ухудшилось, спасти его Ксения не успевает (она просит деньги у нового знакомого Соловьева, но уже поздно) – он умирает. Девушка вынуждена поехать в село и стать там учительницей.

Вторая часть, «Розовое варенье», повествует о жизни Ксении в селе Роскошное. Она с любовью вспоминает о детях, для которых готовила интересные уроки, устраивала походы за цветами на природу, праздники. Но были в жизни молодой учительницы люди и случаи, которые заставляли взглянуть на жизнь как на череду разочарований. Ее коллега, учитель Аникий, любит Соломку, Соломка – его, но замуж хочет выйти за богатого. С подачи зловредной попадьи Аникий женится на богатой вдове, больной туберкулезом, Крулевецкой, в надежде, что она умрет и все имущество получит он, Аникий, и свяжет наконец в будущем жизнь с люби-

мой. Но, по иронии судьбы, в третьей части мы узнаем, что Аникий заболел скоротечным туберкулезом и находится между жизнью и смертью. Сама же Ксения едва не вышла замуж за хозяина деревенского кабака Коломлынова. Остановило ее лишь то, что она узнала, в какой кабале Коломлыновы держат своих должников. Второе письмо тоже заканчивается рассказом об отъезде из села Роскошное. Именно розовое варенье, которое собиралась Ксения сварить из лепестков Коломлыновского цветника, сыграло ключевую роль в ее судьбе.

Третья часть, «Серебряный светильник», повествует о полном освобождении Ксении от чужих советов и покровительства. Сначала Ксения вместе с воспитанницей школы при монастыре Анной навсегда уезжает из этих мест, чтобы не видеть жестокости людей, которые должны быть чисты и благородны, а именно – настоятельницы монастыря. Она живет у Шатерникова, в его библиотеке, готовит ему еду, скрашивает одиночество до возвращения жены Татьяны. Серебряный светильник, который продает Шатерников (чтобы было на что жить, но тут же хочет потратить деньги, чтобы что-то купить для жены и для Ксении), переполняет чашу терпения Ксении, и она покидает дом Шатерникова, потому что больше они друг в друге не нуждаются, у нее своя дорога.

Роман называет «Одеяло из лоскутьев», потому что читатель будто путешествует по лоскуткам памяти героини. Во всем можно найти у Копыловой романтику начала XX в., яркое ощущение всех проявлений жизни, их восприятие молодой одинокой девушкой, на которую судьба взвалила ответственность за обеспечение семьи, старой матери, сестер и братьев. Она видит черные души людей, беспомощность своих учителей, их изъяды. Но сама жизнь увлекает ее. Жизнь – строгий учитель для молоденькой учительницы Ксении. Она сталкивается с самоубийствами Насти Бондаревой и художника, с жестокостью мудрых и сильных, с расчетливыми бесчестными людьми. Но жизнь всегда все расставляет по своим местам.

Сквозным мотивом в романе становится образ одеяла из лоскутьев: бабушкино одеяло, сшитое из лоскуточков; Шатерников в своих письмах говорит о «лоскутьях души»; лоскутки ткани остаются в школьном зале после праздника по случаю окончания учебного года. Позднее с одеялом из лоскутьев Ксения Щербакова сталкивается в доме у Коломлынова: на таком же в точности одеяле сидит кухарка в саду. Эти лоскуточки словно собирают, сшивают воедино фрагменты памяти автобиографической героини.

Не всем воспоминаниям Ксении Щербаковой хочется верить, не всегда ее поступки кажутся вполне обдуманно. Например, на мой взгляд, не очень-то прописан образ Коломлынова, и не очень понятно, почему героиня романа посчитала его грубым и недостойным человеком. Ведь если у него занимали деньги, то возвращать их абсолютно нормально, не мог же он их просто подарить всем, кто их просил. Долги нужно возвращать, и совершенно нормально требовать долг назад. Не можешь вернуть – не бери. Так почему же вдруг в сознании Ксении Коломлынов стал негодяем? Это уже идеализм и мечтательность. Взрослая девушка должна понимать, что все имеет цену, тем более труд, вложенный в собственное дело. Хотя не исключаю, что замысел автора в данной ситуации оказался мне не совсем ясен.

Ксения Щербакова – настоящая феминистка, интеллектуалка, честная и совестливая молодая женщина. Но складывается впечатление, что она не борется с несправедливостью, а просто-напросто бежит от нее. И в этом ее слабость. Как

ни старается быть сильной, но, прежде всего, остается женщиной. Какой и надо быть...

Героиня неоднозначна, и не все ее поступки вызывают приятие у читателя, но в целом она изучает жизнь, и оказывается прилежной ученицей. В итоге Ксения достигает главного, того, что всегда искала, – свободы от всех учений. Она хороший человек, стремится к добру, делает добро, и, наверно, это оправдывает ее нелогичность.

Образный мир романа очень уютный. Возникает параллель в сознании (может, и необоснованная) с Пастернаковским «Доктором Живаго». Щербакова – этакий Живаго в юбке. Она не обращает внимания на исторический фон, она просто пытается подстроиться к обстоятельствам, жить по чести, нести пользу людям. Но Щербакова, в отличие от Живаго, более волевая. Она не дает жизни сломить себя.

Роман незаслуженно забыт, обойден вниманием широкого круга читателей и заслуживает прочтения. Это интересная история о сильной женщине, хоть и с весьма наивным послевкусием. Но это все от идеалистических взглядов автора.

Александр Марков

**Проза феминистки, или Роман-самовоспитание:
рассуждение о романе Л. Копыловой «Одеяло из лоскутьев»**

Издательство *Common place* задумало выпустить серию книг, означаемую ныне забытой буквой «Ө» (фита), «в которой будет выходить художественная и мемуарная проза забытых русских писательниц XIX–XX веков». Кому будет интересна такая серия? Несмотря на кажущуюся альтруистичность замысла, уже первая книга серии, переизданный роман Л. Копыловой «Одеяло из лоскутьев», собирает в Интернете значимое количество отзывов и рецензий. Очевидный интерес такая проза может вызывать как в кругу ученых, специализирующихся на изучении эпохи рубежа веков и советского времени (историков, филологов и проч.), так и в среде непрофессиональных читателей, проявляющих интерес к этому неоднозначному периоду крушения одних надежд и идеалов и построения новых. Отдельную группу поклонников серии составят современные участницы движения феминизма. Недаром в заголовках рецензий на упомянутую книгу Копыловой зачастую фигурируют такие словосочетания, как «соцреалистический феминизм» (Игорь Гулин), «феминизм по-советски» (Александра Мартыненко), а один из первых отзывов появился в «Живом Журнале» коллектива авторов, который именуется «Книги, рекомендуемые феминистками». При всей важности темы женской эмансипации, особенно для описываемого в книге периода, хочется выразить сомнение в том, что данная тема является главной для автора. Это заявление может быть раскритиковано – как мнение мужчины-филолога, но я постараюсь в общих чертах обосновать его в ходе своих рассуждений о данной книге далее.

Обратимся ко времени первого издания романа Л. Копыловой. На дворе 1934 г. Год 1-го Всесоюзного съезда советских писателей. Ведется активная работа по формированию монистической концепции советского искусства, теоретизации и оформлению принципов нового направления, которому суждено стать господствующим в литературе метрополии на протяжении почти полувека, – «соцреализма». До массовых репрессий, закрепляющих такое положение вещей, остается менее трех лет, но предпосылки к ним уже, что называется, «витают в воздухе». Именно в это время, сложное и опасное для любых свободно мыслящих и – осо-

бенно – творческих людей, выходит роман Л. Копыловой, во многом автобиографический, описывающий период жизни героини, относящийся к дореволюционной эпохе. И – о ужас! – на страницах романа читатель узнаёт, что Ксения Щербакова (так назвала свою героиню писательница) имеет неосторожность якшаться со всяческими мистиками-символистами и даже монахинями! Что же позволило такой книге увидеть свет? Кроме, разумеется, покровительства Горького, который относился к автору с благосклонностью, как видно из их переписки, на руку сыграло последовательное и грамотное отображение новых реалий (в сравнении, разумеется, со старыми) и посещение лекций по диамату. Нет, здесь нет ничего общего с покаянными речами диссидентов на громких процессах, но, описывая жизнь своей героини, автор занимает отстраненную и, порой, критическую позицию. Очень сложно нащупать ту грань, где Копылова перестает искренне оценивать события своей жизни (точнее, жизни Ксении Щербаковой, будем последовательны) и отдает дань новой идеологии, которая становится уже не модой, а единственно возможным разрешенным мировоззрением. Иногда даже кажется, что книга написана двумя разными людьми, но это, на мой взгляд, опасное заблуждение. Копылова, так же как и ее героиня, – представитель той самой переходной эпохи, и все противоречивые тенденции парадоксальным образом уживаются не только в политике, проводимой властью, но и в умах и сердцах людей.

И вот, принимая во внимание, не упуская из головы все вышесказанное, погружаемся в чтение «Одеяла из лоскутьев». Забегая вперед, хочется отметить, насколько удачен образ, заключающийся в этом названии. Галерея мужских и женских характеров, обрывки разговоров и воспоминаний, переписка героини с друзьями из прошлого составляют основу книги. Как бы ни старалась писательница откеститься от прошлого, очевиден модернистский, «лоскутный» принцип – уже на уровне композиции.

В самом начале книги натываемся на любопытный диалог героини и Шатерникова. Про последнего, уже в конце романа, Ксения напишет своей сестре Наташе: «Этот очень яркий представитель той обманчивой культуры, к которой я так жадно тянулась, привлек меня к себе кажущимся величием». О самом Шатерникове известно немного, образ его схематичен, прототипом мог стать почти любой символист-мистик, соловьевец. В его библиотеке есть книги Вячеслава Иванова – это говорит лишь о том, что это разные личности. Вообще смешение реальных и выдуманных персонажей книги кажется вынужденным ходом, имеющим целью не допустить возможности полицейского расследования излагаемых событий. Если «Одеяло из лоскутьев» – это так называемый «роман с ключом», то онный «ключ» сознательно и безвозвратно утерян, не запрятан – выброшен в пучину водоворота истории.

Ксения и Шатерников беседуют, обмениваясь мнениями по поводу прошлого и будущего. Их отношение к этим временным категориям противоположно. В уста своей героини Копылова вкладывает передовые идеи: «...не пора ли его закрыть совсем – музей старого быта?» – задается она вопросом и заключает: «Нет, я не в состоянии вложить жажду жизни в прошлое». И да, они политически грамотны, эти слова, отвечающие веяниям нового времени. Но насколько искусственными они кажутся даже по сравнению с пафосной речью Шатерникова, напоминающей прозу поэта, обладающей внутренней ритмической организацией, насыщенной инверсиями и различными тропами: «Храню в своей душе всё, что когда-либо было... из воспоминаний пряду тонкую нить вечности, в гаданиях продолжу ее».

Не то же ли самое делает Копылова, вопреки высказанному мнению своей героини, обращаясь в своем романе к «делам давно минувших дней»? Да и сама Ксения через несколько страниц предается воспоминаниям, когда «ворох ярких лоскутьев бросается ей в глаза», и «теперь по этим цветным клинышкам можно восстановить в памяти всю ее жизнь, год за годом». Именно среди этих лоскутьев Ксения находит собственную переписку с Шатерниковым.

Из многочисленных рецензий на просторах Интернета и особенно из пространной и обстоятельной вступительной статьи Марии Нестеренко «От декадентства к эмансипации», приведенной в издании 2018 г., можно в подробностях узнать о соответствиях в биографии автора и ее героини, позволяющих называть этот роман автобиографическим; о том, как исторические события находят отражение в повествовании в реакциях простых людей; наконец о сложной композиционной структуре «Одеяла из лоскутьев». Все рецензенты фокусируют внимание на феминистской направленности романа Копыловой, которая, несомненно, имеет место быть. Но, хотя Ксения не раз на страницах романа касается темы женской эмансипации (одним из ярких моментов становится ее ответ на экзамене, когда она заявляет, вопреки закосневшим в рутине педагогам, что будет «сама зарабатывать деньги», чтобы помогать родителям, вырастившим ее), хотя ни один из мужских образов не обладает достаточной силой, чтобы считаться целостным и сильным, ни один не может стать полноценным ориентиром для героини (показательно в этом плане замечание относительно Шатерникова, который во время прогулки «чуть пожимает локоть своей спутницы», и неясно, «желает ли он поддержать ее или сам ищет опоры»), за всем этим скрывается еще одна внутренняя коллизия романа, которую мало кто сумел разглядеть.

Горький писал о «новом типе педагога» в связи с рассказом Л. Копыловой «Химеры». Этот тип педагога предстает перед нами и на страницах «Одеяла из лоскутьев». Но Ксения больше чем педагог. Я сейчас говорю не о собственно педагогической деятельности Ксении Щербаковой, которая, безусловно, является талантливым учителем, умеющим привить своим ученикам любовь к красоте, природе, жизни. Я говорю о тех методах воспитания, которые героиня Копыловой применяет по отношению к самой себе. Ксения последовательно прививает себе ненависть к любому виду компромиссов с собственной совестью. Неблаговидные поступки окружающих ее людей, будь то подруга, выбирающая замужество с богатым, но нелюбимым мужчиной, или знакомый, женящийся на чахоточной больной в надежде на скорое наследство, или кандидат в женихи самой Ксении, занимающийся нечистым бизнесом (он держит трактир, где спиваются мужики), – вся эта грязь неспособна пристать к чистой душе Ксении Щербаковой, а лишь вызывает у нее отвращение. Именно такое поведение и делает героиню «Одеяла...» той самой «self-madewoman», и это не имеет отношения к гендерным различиям – речь идет об универсальных человеческих категориях: совести и чести. В противостоянии грязи и бесстыдству окружающего мира сильной и чистой души героини и состоит, на мой взгляд, главная коллизия романа Копыловой. В литературоведении есть термин «роман воспитания». В отношении «Одеяла из лоскутьев», думается, позволительно применить его в несколько трансформированном виде: это «роман самовоспитания». Очевидный дидактизм этой книги подсказывает, что она могла бы быть рекомендована к прочтению для юного возраста.

В конце еще немного о художественной ценности этой книги. Она не бесспорна. Многие рассуждения героев, особенно те, что касаются тем, которые могли

бы предоставить почву для политизированных инсинуаций в отношении автора, являются искусственными и натянутыми. Удачными местами романа становятся описания творческого процесса, как, например, оформление гостевой комнаты в монастыре, когда героиню посещает подлинное вдохновение; рассказ о прогулке с учениками по полю, усыпанному цветами (которое впоследствии в той самой гостевой комнате запечатлевается на ковре), история знакомства героини с книгами, например Меттерлинка или Гюисманса.

В целом, несмотря на неприятный осадок, обусловленный конъюнктурными предпосылками, остается благоприятное впечатление от романа о героине, которая, несмотря на все ужасающие трудности жизни в страшное для страны время, смогла выйти из них, сохранив главное – чистоту совести и честь человека, рожденного в имперской России. Ну и, конечно, торжество Нового Времени, когда советской женщине наконец-то ничего не стоит устроиться на работу!

И, да, напоследок хочется поблагодарить издательство и всех причастных к основанию новой серии за их труд и пожелать, чтобы следующие книги оказались не менее интересными, ведь история нашей литературы должна обнаружить и извлечь еще много незаслуженно забытых, но по-своему ярких женских писательских имен.

Диана Сырысева

Любовь Копылова в книге «Одеяло из лоскутьев» пытается осмыслить жизнь людей как перед революцией 1905 года, так и при установившейся советской власти в 1920-е. Произведение имеет сложную повествовательную структуру: рассказ о настоящей героине, Ксении Щербаковой, пересекается с тетрадями, где она рассказывает о своем детстве и молодости, и письмами к одному из главных героев – Александру Шатерникову, в которых героиня рефлектирует о происходящем. На протяжении романа можно видеть становление личности главной героини, изменение ее оценок (например, о Шатерникове: если при первых встречах в 1910-е он кажется героине «как весь мир», то в 1920-е героиня отказывается от его идеализации: «Воистину экземпляр редкой породы, достойный, чтобы его посадили на булавку!»).

В первой части «Фея Собачьего хутора» рассказывается о детстве героини. В Собачьем хуторе находится дом Щербаковых, за оврагом – дом ее бабушки. Их жизнь полна страданий, условия их существования, быта тягостны. Доставшегося по случаю мяса хватает лишь на неделю. У бабушки, бывшей крепостной, на чердаке дома хранится крайне неприятный ей портрет бывшего барина. С некоторыми героями постоянно связаны определенные детали, мотивы: так, с дядей Яшей – копоть, сажа, машинное масло, кровь; с тетей Феней – работа, опухшие руки и ноги; с Дмитрием – угроза ареста, а позже и сам арест. Однако в этом ужасном мире есть потребность в красоте, в другой эстетике. Так, Настя Бондарева собирает кусочки разноцветного стекла, фарфора, показывает их Ксении, и они ими любят. Но и эта потребность есть далеко не у всех: Раиса Бондарева презрительно называет эти кусочки цапочками со свалки. С этим бытом контрастирует ухоженная усадьба заводчика Пустовойтова. В его роскошном саду растут акации, странное дерево «не-тронь-меня», на котором от одного прикосновения сжимаются все листья. В этом другом мире существуют чистые и опрятные дети, гувернантка Мари, которая учит их французскому языку. Встреча с Викторией Тимофеевной Мухиной открывает Ксении мир других книг, а именно – тех, о

которых пишет Макс Нордау в «Вырождении» (Гюисманс, Метерлинк, Ибсен). Ксения пишет: «...Макс Нордау оказался для нас путеводителем по литературе». Характеризуя процесс чтения, героиня уточняет: «...мы блуждали среди образов – то туманных, то страшно уродливых, то величественных, стараясь изо всех сил разгадать их сокровенный смысл».

Во второй части, «Розовое варенье», Ксения Щербакова – сельская учительница. Она живет в провинции, где мелкие расчеты, взятки, сплетни. Так, сельский учитель Аникий по совету попадьи женится на больной туберкулезом богатой вдове, чтобы разбогатеть после ее смерти и жениться на любимой девушке, но сам заражается туберкулезом и умирает.

В третьей части, «Серебряный светильник», показаны условия жизни во время Первой мировой войны в монастыре и в Москве. В Москве Ксения бывала на выставках художников (Врубель, Мусатов, Малявин), ей понравилась «Дама в голубом» Сомова, ужаснулись «Боярыня Морозова» и «Иван Грозный, убивающий сына». На картинах одного художника Ксения увидела свой родной Собачий хутор, но, возможно, таких мест, как Собачий хутор, было много в стране, и Ксения ошиблась. На собраниях у Сабашникова Ксения познакомилась с Александром Шатерниковым (стала его секретаршей), увидела серебряный светильник в форме сердца. Именно этот светильник в 1920-е гг. герои будут продавать в Торгсине.

Мир книг, круг чтения важен для Ксении. Если в 1910-е гг. она читает писателей-модернистов, то в 1920-е будет читать «Разгром» Фадеева и «Бронепоезд» Всеволода Иванова. Вместе с ее жизнью изменились и книги.

В 1920-е гг. Ксения размышляет о том, чем она укуруется, когда станет холодно. Она достает из чемодана ворох ярких лоскутьев: «треугольные кусочки, пестрые, как на балахоне арлекина», – и вспоминает: «Когда-то, повинувшись причудливой фантазии, она начала собирать обрезки, остающиеся от платьев, и теперь по этим цветным клинышкам можно восстановить в памяти всю ее жизнь». Это разные кусочки ткани: белым ситцем украшали куличи, синий ситец в белую полоску – как на платьях воспитанниц, розовая кисея – на дешевых куклах, шелк, бумажная ткань... Сама Ксения характеризует это: «Какое нищее богатство! И это – моя жизнь!» Однако от этой жизни остались воспоминания, которые могут согреть от душевного холода, сшитые же в одеяло лоскуты могут спасти от холода физического.

Одеяло из лоскутьев становится метафорой разнообразия жизни того времени, разорванной на мелкие кусочки, но все-таки сшитой.

Наталья Косякина

Карнавал лоскутьев

На роман Любови Копыловой (1885–1936) «Одеяло из лоскутьев», вышедший в 2018 г. в издательстве *Common place* и открывший серию художественной и мемуарной прозы забытых писательниц XIX–XX вв., уже написано несколько рецензий. В основном упор в них делается на социальный план романа (по мнению рецензентов, он представляет наибольший интерес), всячески подчеркивается женский путь и эмансипационное начало (вступительная статья к роману так и называется: «От декадентства к эмансипации»). Вероятно, все это хорошо и правильно, но это уже написано, и я не буду повторять эти во многом справедливые выводы, а лишь постараюсь дополнить их своими размышлениями.

«Одеяло из лоскутьев» – автобиографичный роман, не лишенный тревожных нот, сопровождающих взросление героини. Построен он просто и понятно: автор использует рамочную композицию – прием не новый, но по-прежнему работающий. Героиня перечитывает свои старые письма, из которых мы узнаем о ее жизни. Роман начинается вяло – с несмелых (или просто неумелых?) идеологических выпадов Ксении в адрес ее духовного учителя Шатерникова. Это уже конец истории, которую нам последовательно расскажут письма и тетради Ксении.

К радости читателя, роман «разгоняется» с первого же большого письма, которому сама героиня дает название «Фея с Собачьего хутора»: детская часть жизни написана живо и занимательно. Чего здесь только нет: странная женитьба родителей, дивный сад с волшебным «деревом-не-тронь-меня», собирание стекляшек, подслушивание ночных разговоров взрослых, удивительная, знающая себе цену тетя Катя, школьные сочинения... Всё это уже само по себе смахивает на одеяло из лоскутьев – незатейливый лейтмотив романа. Есть в этом одеяле и черные кусочки, которые автор описывает жутковато: «Тетя Катя лежала, покрытая кисеей с редкими пушистыми мушками, и бабушка беспрестанно откидывала ее с лица своей дочери, точно желая сказать всем: посмотрите, что сделала смерть с ее красотой! ...Сидя возле самого гроба, она раскачивалась всем телом и повторяла тихо, как бы про себя: “Катя... Катя... Катенька... Катюша...” – и в тишине, особенно жуткой оттого, что комната была полна народом, звук ее причитания походил на какое-то жужжание».

Автор нередко использует повторы, параллелизмы, что добавляет тексту поэтичности и музыкальности. Вместе с авторской отстраненностью в описаниях это дает эффект то ли колыбельной, то ли детской сказки: «– Зажмурься! – кричала она, и я чувствовала на лице жгучие брызги. – Нагни голову! – и я слышала, как ароматный ветерок шевелит мои локоны. – Повернись спиной! – и я ежилась под душем, щекотавшим шею...».

В этой «детской» части романа выделяются судьбоносные события. Среди них революция и смерть отца – то, что разрушает светлый детский мир, подталкивая героиню к взрослению. Важное место также занимает новогодний карнавал. На этом моменте остановимся подробнее.

Смысл эпизода с карнавалом автор озвучивает почти в самом конце романа: «Где же жизнь? – спрашивала я сама себя. – Неужели ко всему, что меня в ней манит, дорога ведет только через городские свалки или кладбище?»

Вернемся к началу романа и вспомним, как Ксения описывает свадьбу матери: «...экипажи остановились над обрывом, и невеста в сопровождении родных, подруг и соседей перешла через балку, полную битых стекол, черепков, золы и выброшенного тряпья. На ней было голубое шелковое платье, сверху донизу покрытое белым тюлем, и атласные туфельки на высоких каблуках». Здесь переход женщины во взрослую жизнь описан в духе фильмов греческого режиссера Тео Ангелополуса: соединение мусорного уродства и красивой принцессы, пришедшей прямо из сказки. Такой же обряд перехода видим и у самой Ксении: ей, маленькой девочке с заботливо вышитым красивым платьем в коробке, пришлось идти на такой долгожданный праздник по темному кладбищу, далее мимо тюрьмы (тюремный охранник кричал на нее и хотел стрелять), потом обманом отвязываться от напугавшего в темноте навязчивого спутника... «Широкие розвальни промчались мимо, обдав меня снежной пылью. Тот, кто правил лошадей, был с рогами и бородой козла. Он проблеял в мою сторону. Страшные его пассажиры гикали

и улюлюкали на меня. Среди них было чудовище, при взгляде на которое нельзя было не содрогнуться». Этот магический переход к осмысленной взрослой жизни завершился, конечно, разочарованием, присущим взрослым людям. Оказывается, 90% окружающих людей неблагочестивы, бескультурны, корыстны и глупы.

Но не к больному отцу героиня уходит с этого карнавала, а к прельстившему ее Соловьеву, который кажется единственным приятным и приличным человеком на этом вечере. Дальше происходит новое открытие: «Как же случилось, что человек, готовый стать передо мной на колени только за то, что мое платье и мои манеры вызвали в его воображении высокий и чистый образ, пришел в недоумение, когда я открыла ему самое дорогое и подлинное, что было в моей душе, – любовь дочери к своему отцу и страстное желание ему, умирающему, помочь?» Вот она, призма символистского мышления. Уже тогда Ксения оказывается достаточно зоркой и умной, чтобы увидеть коллизию символизма и реальной жизни, воображения и подлинных, хотя и повседневных чувств. Жаль только, что письмо с процитированной выше фразой она пишет не кому-нибудь, а Шатерникову – еще одному любителю символистских взлетов.

Вопреки ожиданиям, это не последний проход Ксении через «ворота взросления». Та же метафора ритуального перехода из одного мира в другой просматривается во второй части книги («Розовое варенье») в прогулке Ксении с детьми-учениками. Нарвав на лугу сказочной красоты тюльпанов (описывая эти будто бы невозможные, невероятно яркие тюльпаны, автор словно пытается убедить нас в сказочности происходящего), они покидают этот счастливый, добрый мир и въезжают в село. В пути их сопровождает странноватый неулыбающийся проводник. В селе встречаются окровавленные пьяные люди, лежащий на земле в беспамятстве отец Нюры Голубцовой – и колокольный звон, оповещающий жителей о браке по расчету.

«Я хочу войти в жизнь через высокие ворота, убранные флагами и цветами, за которыми меня встретила бы музыка!» – цитирует Ксения свою давнюю подругу, Викторию Мухину, которая в итоге вышла замуж за того самого неблагочестивого коммерсанта с новогоднего карнавала и, кажется, совсем омещанилась.

Третьими для Ксении становятся ворота монастырского двора (героиня получила работу в приходской школе). Автор не стремится описать жизнь монахинь и обычаи этого места. Все дается лишь пунктиром. Так что читателю приходится «прыгать» по этим «обрезкам», с одного на другой, запомнив лишь невнятную Аннушку и побег «на волю».

Роман оканчивается перепиской Ксении с сестрой Наташей. Из письма сестры понятно, что в семью вернулся Дмитрий, арестованный еще во время новогоднего карнавала. Обратим внимание на то, как описано его возвращение: «У вокзала, там, где останавливаются трамваи, были поставлены высокие ворота, обвитые гирляндами цветов. Наши герои прошли через эти ворота. Музыканты играли марш, и все кричали “ура!”». Значит ли это, что революция – единственное настоящее дело, достойное счастливого будущего и арки в цветах? Может, после этого наконец будет настоящая жизнь? Или же и это – всего лишь внешние атрибуты, фикция? Автор обрывает свой роман: впереди отъезд Ксении из дома давно разочаровавшего ее Шатерникова.

Все вышеперечисленные метафоры в тексте просты, прозрачны и в принципе не требуют объяснения. Хочется лишь заметить, что героиня Копыловой – человек ищущий, в чем ее несомненный плюс. Правда, трудно не согласиться с други-

ми рецензентами, предполагающими, что автор будто бы пытается подчеркнуть добродетель Ксении (а значит, и свою), показать себя идеально нравственным человеком. Кроме того, не совсем понятно, чего же она ищет. Сказочного мира? Действительно, мотив столкновения сказки с реальностью проходит через весь роман – и проигрывает сказка. Ее не спасают цветные тюльпаны, радуга, детский школьный праздник, который приносит Ксении проблемы на работе. Настя Бондарева, шившая героине красивое карнавальное платье, кончает с собой. То же делает художник, живущий в Москве по соседству, через стену. Сказочный ковер с тюльпанами, идею которого Ксения подает вышивальщицам в монастыре, не нравится руководству и скрыт от людей. Но, кажется, героиня не перестает искать эту сказку в тоскливой реальности, но, быть может, стоило искать ее не в реальности, а в себе самой?

Корпус статьи составили зачетные работы студентов 1 года магистратуры кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Сведения об авторе:

Мария Викторовна Михайлова,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Maria V. Mikhaylova,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
mary1701@mail.ru